

ГОТОВЬТЕСЬ К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

Столица нового мира

А. П. ЧАПЫГИНУ

Дорогой Алексей Павлович!

Книга эта разнообразна. Литература в ней перемежается с биографическими справками...

Правление ССП горячо приветствует Вас в день Вашего 65-летия и 30-летнего юбилея литературной работы.

Мальчик-пастух, подмастерье живописно-малярного цеха, Вы, Алексей Павлович, преодолели ужасные условия...

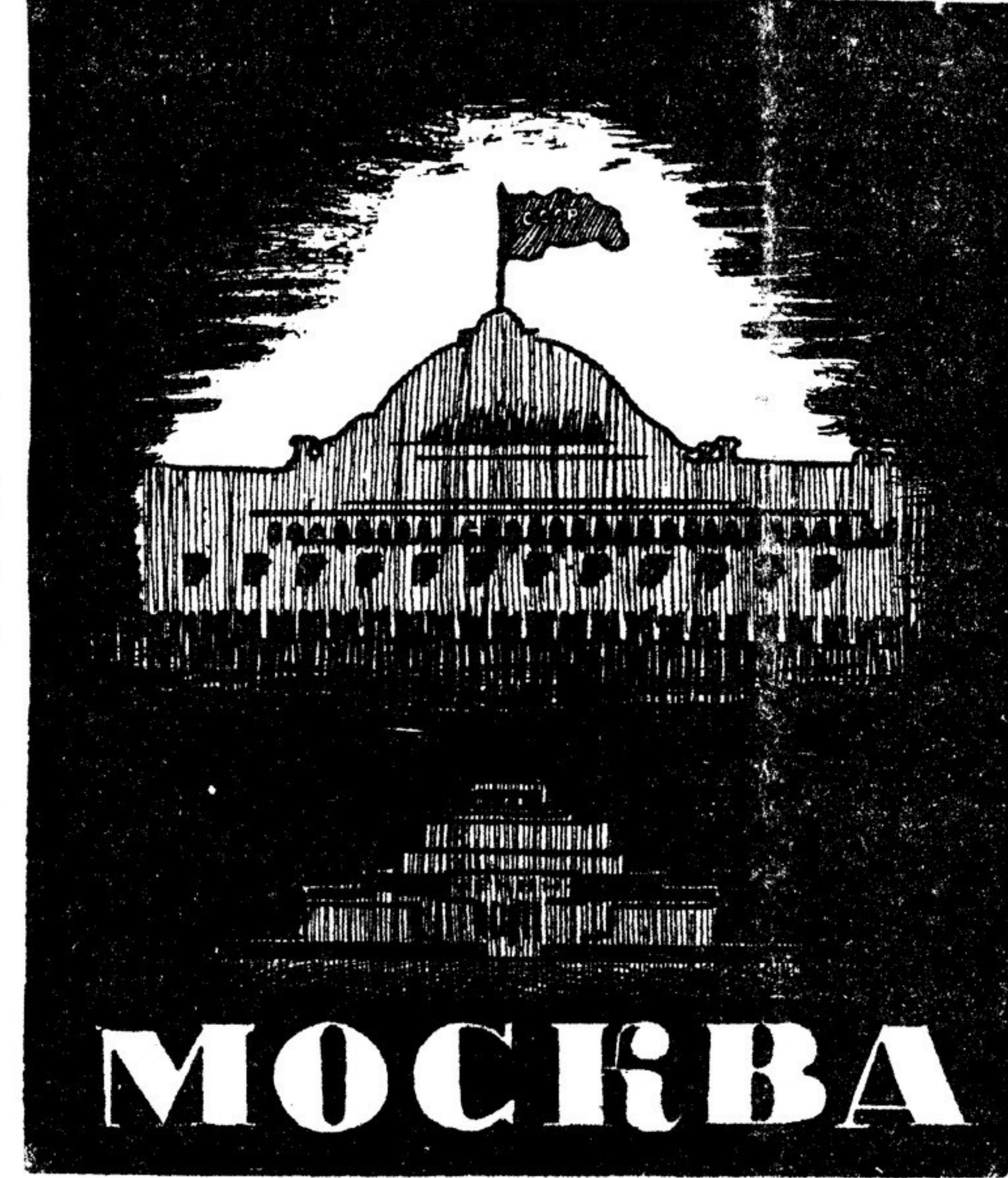
В этом растущем стане инженеров человеческих душ Вы заняли свое место талантливого и своеобразного писателя...

Правление ССП шлет Вам искреннее пожелание долгой плодотворной работы.

Правление ССП. ЩЕРБАКОВ, СТАВСКИЙ, ВС. ИВАНОВ, ЛАХУТИ.

РЕДАКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» ГОРЯЧО ПРИВЕТСТВУЕТ ВЫДАЮЩЕГОСЯ МАСТЕРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА — А. П. ЧАПЫГИНА.

ЖЕЛАЕМ ВАМ, ДОРОГОЙ АЛЕКСЕИ ПАВЛОВИЧ, МНОГИХ ЛЕТ ТАЛАНТЛИВОЙ И ПЛОДОТВОРНОЙ РАБОТЫ. РЕДАКЦИЯ «Л. Г.»

МОСКВА

признак: прошлое, настоящее и будущее.

Книга сделана в очень короткий срок и это, естественно, не могло не сказаться: не все охвачено и не все описано так, как того заслуживает.

И все же, как это прекрасная книга, первая большая книга о нашей прекрасной столице, новой столице мира.

Если подойти к книге «Москва», изданной редакцией «Рабочей Москвы» по инициативе Московского комитета партии...

Редактор книги (Д. Копалев) и его сотрудники сумели так построить план книги и так его реализовать, обеспечить такой состав авторов и

Москва — центр науки. Перелистая страницы книги, читатель постигает институт Маркса и Ленина.

Дальше и дальше раскрывает книга лицо нового города Преображенное, вновь созданное лицо заводов и фабрик.

Впрочем, хотя «трихти из жизни московской партийной организации» выделены в самостоятельный отдел книги, все она, с первой до последней страницы, повествует о людях большевистской партии.

Читатель прочел два раздела книги — о темном прошлом Москвы и о ее блистательном настоящем. Он увидел, какие сказочные превращения произошли с Москвой по воле большевиков.

«... Как раньше Париж являлся убежищем и школой для революционных представителей пролетариата».

Мы искренно поздравляем авторов, редакторов и издателей книги «Москва».

Но вот мы входим в новый год. В него входит нас следующий раздел — «Социалистическая Москва».

«Москва» — столица мирового пролетариата, — заявляют иностранцы коммунисты во главе с т. Димитровым.

В партгруппе правления ССП

В Ленинграде распухла центральная рабочая литературная группа «Революция».

В прошлом году литературная группа «Революция» отмечала свое десятилетие. Это был заслуженный юбилей.

15 марта состоялось заседание партгруппы правления Союза советских писателей.

16 марта состоялось заседание партгруппы правления Союза советских писателей.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

Чем вызван роспуск партгруппы «Революция»?

В прошлом году литературная группа отмечала свое десятилетие.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

ОТ РЕДАКЦИИ

Считая вполне правильной редакционную статью «Правды» об итогах кинофестиваля и беспринципной полемике, мы признаем, что нами была допущена грубая ошибка.

«Правда» № 70 (6316) от 12 марта с. г.

ПИСЬМО ИЗ ЛЕНИНГРАДА

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

В Ленинграде распухла центральная рабочая литературная группа «Революция».

Чем вызван роспуск партгруппы «Революция»?

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

«Литературная группа» — это не столько орган, сколько организация.

Письмо из Парижа

ТЯГА К СОЮЗУ — ТЯГА В СОЮЗ

По роду моих занятий мне приходится часто встречаться и обмениваться письмами с французскими писателями. После моего недавнего пребывания в Союзе эти встречи и переписка еще умножились. В большинстве случаев начинаются они не от меня, и это позволяет мне проявить ряд интересных наблюдений, которыми я хотел бы поделиться с советским читателем.

Вскоре по возвращении из Союза я получил письмо от молодого писателя, с которым не встречался лет пять-шесть. Когда мы сошлись снова, он рассказал мне, что за последние годы посвятил себя кино, журналистике и театру.

— Я занимаюсь переложением чужих романов для театра. Попробовал было написать пьесу, но очень скоро убедился, что ни один французский театр ее не возьмет: она слишком революционна для Франции. Здесь работать невозможно. В кино царят банальность и отупление. О прессе лучше не говорить. У каждой большой газеты, печатающей ежедневно по рассказу, заключены договоры с писателями, и пробиться сквозь это проволочное заграждение можно только при помощи чрезвычайно солидных рекомендаций. Нет, во Франции лучше поставить крест. Что касается меня, я решил ехать в СССР. Говорят, там писатель может жить, оставаясь писателем.

После полудня моего разговора выяснилось, что мой собеседник сильно преувеличивает «революционность» своей пьесы, но то уныние, которое подвигается в буржуазном строе огромное большинство писателей, претит ему, и что он хочет ехать в Союз не столько чтоб зарабатывать, сколько чтоб работать.

В этот же момент я вспомнил, что во второй раз, человек, назвавшего себя во французском журнале «Экспресс» писателем, получил премию во французской литературе; книги его расходятся в количестве 20.000 экземпляров, — трираж по эдаким понятиям весьма крупный. До сих пор он держался в стороне от политики, и я чрезвычайно удивился, когда он задал мне тот же вопрос, что и первый собеседник, тем более что я знал, что у него имеется договор с большим издательством, что он много пишет и книги его пользуются успехом даже у благонамеренной критики.

— Я во что бы то стало должен поехать в СССР и пробить там по крайней мере год. Я могу и уже работать. Жить здесь я больше не могу.

— Почему?
— Видно ли, из соображений политического порядка и не могу заниматься политикой, хотя и пишу по-французски, у меня иностранный паспорт, и меня предупредили, что в случае чего я буду немедленно выслан из Франции. А жить в стороне, вдали от революционного движения мне не по силам, особенно теперь. Как мне быть? Но родины вернуться я не могу. Мне необходимо получить женителю и творческую свободу. А это мыслить только в СССР. Я бы хотел съездить в Вирбиджан. Я еврей и много занимался еврейским вопросом, был в Палестине, где мне очень не понравилось, чем я стяжал себе ненависть сионистов. У меня — имя, мой читатель, настроенные по большей части далеко не революционны, мне доверяют, а бы хотел рассказать им о том, что делается в СССР.

Третья встреча произошла случайно, на улице. Я столкнулся с приятелем, одним из самых талантливых молодых французских писателей. Узнав, что я недавно был в Москве, он трепетно расспрашивал меня о Союзе вообще и в частности о борьбе советских писателей. Я рассказывал ему о себе, о необычной тусе читателей и книге, о тиражах, о зарплатах и требованиях рабочих, колхозника, красноармейца, пионера, о споре на печатном столе. Когда он принялся засыпать меня вопросами о советском быте, о культурном строительстве и о строительстве хозяйственном, я понял, что он почти ничего не знает о Союзе и едва-едва знаком с советской литературой.

— Это распространяется на весь мир, в этом не может быть ни малейшего сомнения, — заключил он с неожиданным удивлением меня уверенно.

Жуаныш и мелкобуржуазных героев, которых описывал в которых нечаянно видел. В этот день он очутился в иной, ему неизвестной Франции. И я уже больше не удивлялся, когда он сказал, что путешествие в Союз ему следует начать с «поезд» в эту новую Францию.

Четвертая — последняя — встреча произошла в кафе. Ко мне подошел талантливый французский поэт, человек лет сорока, стихи которого неоднократно переводились на русский язык.

Резюмируя, я вращался только в кругу литературных кружков и, вероятно, воображал, что служил «чистому» искусству.

Он сообщил мне, что присутствовал на вечере, устроенном Ассоциацией революционных писателей и художников Франции, на котором, под председательством Андре Жюда, французский делегат на съезде советских писателей докладывал пять тысячам слушателей о работах своего рода. — Я охватываю бросил прозу, — сказал он. — Нишу исключительно стихи. Чтобы писать романы в свое время, надо обладать исключительным талантом. Наши книги не интересуют читателя. Я предпочитаю посвятить себя чистой поэзии, а ожидания революции.

Я осведомился, платит ли его «чистая поэзия».

— Разумеется, нет. Если бы я жил моими гонимыми, я пытался бы в лучшем случае один день в месяц. Правда, что в СССР поэты могут жить стихами?

— Правда, — А что надо предпринять, чтоб поехать в Союз?
— А чем вы можете быть полезны Союзу?

Таим образом, четвертый разговор принял тот же оборот, что и три первых. Я вовсе не утверждаю, что все французские работники перестают в СССР. Более того, у многих из стремление обусловлено шкурными интересами. Но столь же несомненно, что все более значительное большинство французских писателей испытывает тягу к Союзу — и в Союзе не потому, что у себя на родине они лишены возможности зарабатывать, а потому, что им становится все труднее работать. Вопрос идет не о том, чтобы печататься, а о том, чтобы писать. Эти люди уже поняли, что действительно свободное творчество несовместимо с буржуазным строем, но им остается понять, что современная Франция не исчерпывает своей буржуазной верхушкой. Им кажется, что они обречены себя, переместившись на три тысячи километров на восток, в то время как в большинстве случаев им даже не надо покидать собственного дома: достаточно спуститься в подвал или подняться на чердак. Они еще не знают, что Советский Союз начинается не в Непереле, а на окраинах Парижа, на берегах Сены, где дымят заводы Рено и Ситроена, в конях севера и на виноградниках юга Франции. Его надо уметь открыть, разглядеть, понять и связать с ним свою судьбу.

ВЛАДИМИР ПОЗНЕР
Париж

ЖИЗНЬ АГНЕССЫ СМЕДЛИ В ОПАСНОСТИ
На защиту американской революционной писательницы

Имя американской писательницы Агнессы Смедли пользуется у нас заслуженной известностью и самыми теплыми симпатиями, как имя представительницы лучшей части западной художественной интеллигенции.

В лице Агнессы Смедли китайская революция, китайские советы и красная армия нашли не только своего художника и биографиста, но и мужественного, восторженного сторонника. Книги Смедли «Китайские судьбы» и «Китайская красная армия марширует» вошли в железный инвентарь мировой антиимпериалистической литературы.

Именно эти книги породили звериную ненависть к писательнице со стороны японских империалистов и китайских «синерубашечников» — той фашистской наемной гвардии Чан Кай-ши. Из опубликованного в «Нью-Йорк Смессе» письма Агнессы Смедли Джамсу Хенле — председателю «Вангард пресс» в Америке — стало известно о покушении на жизнь писательницы, замышленном японскими агентами и китайскими фашистами.

От своих китайских друзей, тесно связанных с Гоминданом, Агнесса Смедли узнала, что в гоминдановских кругах усиленно поговаривают об ее «устранении». Группа фашистов — и среди них издатель одной официальной

китайской газеты и журнала — обсуждала вопрос об убийстве писательницы.

Что дело идет не о пустой болтовне кучки фашистских бандитов, а о реальной опасности, можно судить по тому, что китайские фашисты по заданию правящей контрреволюционной генеральской клики убили уже немало представителей революционной интеллигенции и литературы.

Одновременно с предостережением, полученным Агнессой Смедли от друзей, против писательницы, живущей в Шанхае, началась грязная травля со столбов местной печати. Кампания перебралась также на другие города. Первой выступила в поддержку японская «Шанхай Ници-Ници». За нею последовали китайские газеты и агенты: «Сентрал Чайна дейли ньюс оф Шанхай» — официальный рупор Ван Цзин-вэя — и шанхайская «Морнинг пост» — пропагандистский орган Чан Кай-ши и его синерубашечной банды.

Банальная идиотская рокамболическая «профессиональная шпионка», рукописи и т. д. — вот содержание кампании против Смедли. Писательница заявила протест американскому генеральному консулу в Шанхае по поводу травли, но на какие-нибудь результаты не рассчитывает.

Писательница лишена возможности

привлечь к судебной ответственности своих клеветников. Если она возбудит дело против японской газеты в Японии, Притвор суда в этом случае заранее предрешен. Апеллировать и китайским судам также бесполезно. Они — жалкое орудие в руках той самой гоминдановской милитаристской клики, которая замышляет убить Агнессу Смедли.

«С одной стороны, — пишет в своем письме Агнесса Смедли, — это комплимент, что моим книгам придается настолько серьезное значение, что гоминдановские фашисты считают меня опасной для них. Они приходят в наибольшую ярость от того, что мои книги выходят за границы, особенно в Америке, перед которой они хотели бы выступать в роли современного националистического правительства, а не в роли тех, кем они в действительности являются, — грязных псов иностранных империалистических держав и лапачей китайского народа».

Перед лицом грозившей ей опасности Агнесса Смедли все свои надежды возлагает на передовую литературную общественность мира. На защиту мужественной американской революционной писательницы!

В. С.—ОБ.

Ф. ЗИЛИС. «Димитров на суде» (приобретено Музеем западного искусства в Москве)

Павло Тычина
ПЕСНЯ ТРАКТОРИСТКИ
КАК ОЛЕСА КУЛИК УБЕЖАЛА НА КУРСЫ

Дым-дымок от машин, как девичьи лета...
Не тот теперь Миргород, Хорол-речка не та.

Летом я попола в поле, а как только снег спадает, я подругу порасспросила, поступила в артель.

Ой, артель моя «Троянда», марширует тягу к Союзу! Вышывала я узоры с тревогою пополам.

С тревогою — ой же чудно! — с тревогою — ну и смешно! — Только где-то зарожается, так и брошусь на окно.

А оно смешило не очень, что меж наших военных появились те коняги, что слышала я про них.

Не снотю они снакут, не желают трудов есть, а так ходят, как летают, завертают в МТС.

Дым-дымок от машин, как девичьи лета...
Не тот теперь Миргород, Хорол-речка не та.

Успокоил из рука, шлона, победней, узор нить! Как не кинуть в перерыве, так вовек не успеть.

Их на станции встречают, с музыкой передают, их друзьями называют, по плечу ладноно бьют.

Стала к трактору поближе, Ясно солнцу свет ты мой! Ой, как хочется учиться, чтоб водить его самой.

Так пусть же ж меня, мамо, что вы держите на зло? Я ж на курсы трактористов, Я в Поповку, на село.

На мороз в одном платочке, бьет бахромка по виску, поддалась я на Поповку по веселому снежку.

А за Харьковкой, за мостом все четыре колеса, догоняла я подковы, не подпадаю — голоса.

Песню рысю гнали хлопцы, высоко, да весело...
— Что, кураторов не узнала? Мы в Поповку, на село.

Я дыплюсь, глазами не верю — Садись с нами, комсомолка, и подем, и пое---

Дым-дымок от машин, как девичьи лета...
Не тот теперь Миргород, Хорол-речка не та.

Тов. П. Тычина

Кричит матна: бога бойся! Я в ответ: в село пусти! Сколько бунд мента мучить ваши церкви да кресты!

Дым-дымок от машин, как девичьи лета...
Не тот теперь Миргород, Хорол-речка не та.

Матка кажет: и не думай! Я в ответ: сама уйду! Раз я утром рано встала, лишь у отпора на виду.

А за Харьковкой, за мостом все четыре колеса, догоняла я подковы, не подпадаю — голоса.

Песню рысю гнали хлопцы, высоко, да весело...
— Что, кураторов не узнала? Мы в Поповку, на село.

Я дыплюсь, глазами не верю — Садись с нами, комсомолка, и подем, и пое---

Дым-дымок от машин, как девичьи лета...
Не тот теперь Миргород, Хорол-речка не та.

Перевод С. КИРСАНОВА

Павло Тычина

Слышны крики: «Выбираем в атаманов чабына. До свиданья. Жидто воле». Все по коням и — вперед... Зажкило, замухомо, Только флагов строй цветет... Как на площади у церкви Мать печальная не одна, Ововай же им дорогу Ты, высокая дуна... Речь вокруг перья замокает. Пыль несется против...
Вечер...
Ночь...
(Перевод Н. Ушачова).

Наиболее характерной особенностью поэзии Тычины этого периода является острейшее ощущение «созидательного» общенационального движения. В высокостратегической форме поэт противопоставляет революционную кампанию социалистическому миру, воспевает отчужденный ветер, сметающий с лица земли обломки прошлого («Ветер с Украины»), тонко прозревает над потусторонним дозором небесной философии Фаустом, которому с его лживой проповедью покорились высшей силой «земной» пролетарий угрожает работам молотком.

Многие стихи Тычины представляют собой цельный, последовательный развертываемый образ, зачастую имеющий аллегорическое значение. Легендарный богатырь Никита Кожьянка, символизировавший борьбу народных масс против закабаления, использованный поэт в поэме «Кампания» — таковой «большая поэма» Тычины, сочетает глубокие мысли с необычайной силой ее художественного выражения. В некоторых стихах этого типа Тычина дает яркие образцы социального пафоса, направленного против подловок националистической контрреволюции, пытаясь выжить в роли судьи поэта за то, что он перешел на сторону советской власти. П. Тычина — поэт широкого лирического диапазона. И если в своих политических памфлетах он подымается до высот обжигающей сатиры и швыряет в лицо врагу своей ненависти стих, как орудие классового понижания и презрения, то в вариациях на мотивы «Слова о полку Игореве» он с неслыханной чуждостью переводит язык буржуазно-демократического «слова» гуманизма и человеколюбия, жаждущего в национальном смысле «возрождения» и самой нации.

Поэзия националистической ненависти и ревности поэт оставляет в конце гражданской войны. Он начинает понимать историческую правоту революции, примыкает к первоначальной волне старого строя.

В стихах восстановительного периода у Тычины снова еще прокаливают националистическая символика (образ скорбной матери Украины), однако переход на советскую платформу несравненно обогащает его творчество.

Вместо абстрактной или призрачной национальной идеологии, аполитичной эстетической символики Тычина дает ряд ярких и бесспорно выдающихся не только по идейному содержанию, но и по художественной изобразительности конкретных зарисовок революция, вроде широко известного отголоска «На площадь».

Как на площади у церкви Революция шумна.

«Мой друг рабочий водит меня по городу и рассказывает, как омыла первое стихоповерение обгорела. Тычина показывает, как революция меняет лицо не только крупных промышленных центров, но и глубокой периферии, как она ломает привычные патриархальные устои, создает новую жизнь, одухотворяет эту творческой мыслью стропилей огня-летящего общества».

Де халхалась вербичка у под, Там тепер партовое дело, Проходит релка через по, Летит историю исторат У чора же ж «раба», сьогодні глянь, як твердо творить философію доба. Через річку ліснув ісайгу, но мутна ж та розлаблена вся, нова вже мить явилася. Мереже-прудна стелла й сітла Мельд напориста Перекричула пововла В формі дужого моста.

Перевод: Где окончалась ветла в поле, Там тепер партовое дело, Проходит релка через по, Летит, историю исторат Вчерашние «рабы». Сегодня, глянь, как твердо творят Философию эпохи. Через речку легнува в сияющую, Мутную и расслабленную Нова муть явилася, Кружево-прутка, плотная и сжатая, Мельд напориста, Переробилась, повисла в форме мощного моста.

Революционная переделка провинциальной в прошлом Чернявка П. Тычина дает в тесной связи с общим фронтом классовой борьбы, как часть социалистического дела.

В цикле «Чорноб» вы найдете стихи о 1905 году и памфлеты против «ропелных лапов», «сукняных собак», отвлеченных за границей террора, сатиру на союзников западной буржуазии — «вредитель» — и типично большевизму, смеяющему со своего пути мусор старого строя.

Дело не только в социалистическом переделе Чернявка — «старда Украина должна наметаться», и П. Тычина облетает «патриотам» и «шмандлам», что является успешнее м

до тех пор, пока с поля весь бурьян не вырвать, он кланется «слабому железному, что ни один врат не спасет» от руки революции.

Мягкотель в прошлом, поэт находит яркие краски для передачи пафоса классовой ненависти. Поэт по-новому и гораздо полнее, чем на предыдущих этапах творческого развития, осмысливает ведущие тенденции революционной действительности. Не случайно в его новейших стихах все настойчивее повторяется тема партии, а последний сборник выходит под названием «Партия велит».

Освоение нового материала, выработка нового подхода к нему не даются Тычине без трудностей; у него можно найти черты схематичности в поэзии революционной действительности и элементы подцензурно-публицистического словотворчества.

Но в то же время Тычина берет правильную установку на сохранение и в своей поэзии повзвешенно-познавательной для него черты каллиграфичности, сочетая художественную простоту с высокой формальной организованностью стиха.

Парольные мотивы лирической песни слышатся в сатирической памфлети П. Тычины, посвященные «уп-парламентскому мусору» («Оберня пороса на караса!»), в лирическом песенном стиле, напоминающем известные композиции Тычины на тексты «Слова о полку Игореве», даны переживания левуши-трактористки:

Дым-дымок от машин, как девичьи лета...
Не тот теперь Миргород, Хорол-речка не та. Лотом я робила в под, А як вснижало тиль-тіль, У товаринок питала, Поступала ув артість.

Лирическая песенная форма стиха получает новое драматическое звучание, когда поэт описывает стильные новинки трактористки Олеси Кукли и ее товарищеской с толпой спродированных кулаками женщин, пытающихся сорвать колхозную пахоту («Второй песня трактористки. Как Олесе Кукли бабы земли забросали», 1931 г.).

Все более уверенно и радостно звучит песня Тычины, посвященная победоносному социализму. Эта песня говорит о невиданном творческом расцвете выдающегося мастера советской поэзии, успешно овладевающего все новыми высотами социалистического искусства на основе активного включения в борьбу за новое общество.

ГДЕ ЭТА СТРАНА?

Иван Новиков — писатель не молодой. Его первый рассказ «Сон Сергея Иванювича» был напечатан еще в 1909 г. Советская критика не раз упрекала Новикова в мистической натуральности его вещей.

«В стране Лекхора Новиков пытается показать один из участков нашей действительности. Местность, к которой приурочены события «Страны Лекхора», нами не названа, но для многих из читателей не будет большим трудом ее отгадать», говорит автор в предисловии к книге.

Но дело, конечно, не в том, где происходит действие — в Крыму, в Грузии или в Армении. А дело в том, что, пользуясь отвлеченным названием страны, писатель дает абсолютное абстрактное трактование и происходящих там событий и людей, не называя их. В крошечных странах Лекхора кризиса гибнут от недостатка кормов. В личинке из-за плохой крышки погибла часть пыления. Кто-то предает умышленно и активно. Но кто и как — установить невозможно.

Кто же отобрал коры? Почему поблебо зерно в полях? Кто виноват? Кто несет ответственность? В ответ туманные: «Говорили, отобрал, ступили», «Непонятно, странно, враждебно».

Люди, которые вершат судьбу страны Лекхора, также не названы, не названы. Профессор, коммунист Осмеркина — разъяренный паньяк и фат. Автор хочет сделать его «живым человеком», но от незнания действительности ударяется в крайности, со-

редоточив основное внимание не на сущности самого образа, а на боковых его деталях. Осмеркин страдал в прошлом «из-за пыточниц». Любит поочередно, не прочь выжить, а главное — любить поощрять.

И этот — «теплый мальчик» в романе — единственный носитель партийного билета. Он же и переписывает бывшего своего соперника «по пыточнице», безработного ботаника Драконова. Последний только в 1932 г. узнает наконец от Осмеркина о том, что и для ботаника в Советском союзе имеется работа. После этого открытия Драконов делается странно активным и жизнедеятельным.

Бывший беспризорник, Федя Ершов истерически мечется в поисках справедливости. «А я хочу справедливости». «А я хочу заставить быть справедливым». И самая пьеса обрадела наконец и ядро несправедливости и зов к справедливости — пусть возмезд доброты, которая тоже могла прегрешать, но справедливости не прегрешала. Очевидно, по мнению Новикова, отвлеченные поиски справедливости, пусть взамен доброты — в общественной жизни героя, Бывший партизан, Узрба Хакуловы отменяет учителя Абурикова в ответ на его просьбу пролечь ему для поросенка корыто: «Поросенку уютнее, но не тебе... И ничего я тебе не продум». «И это тоже есть моя радость». Это, конечно, навеяно изображением классовой борьбы, тем более что в романе почти вся борьба сведена к разговорам. Но в этой навязности можно найти объяснение.

Кто такой Хакулов? Его социальная физиономия, как и всех прочих героев страны Лекхора, не ясна. Философия же его очень далека от прелезарики: «Мне горько, что я неосторожно свой драгоценный предмет (партизанский билет — С. Б.) унести и в могилу. Но я знаю, что неосторожно, это последнее достоинство, что могу». Естественное, что человек с подобными вывихами в спиде героя Достоевского не мог ориентироваться в сложных вопросах классовой борьбы. Тем более, что враг-то в романе каков-то неосторожно: бывшие алколат и учителя, которые врал ли молби особенно пострадал от революции и быть против них. За отсутствием действительного разнообразного материала писатель вынужден показывать, как классовый враг ковыряет в носу его грязные руки, выдавая себя какды и т. д.

Язык романа также оставляет желать лучшего.

Трудно поверить, что некоторые места написаны пером старого и опытного писателя — настолько они тяжлы и малоромантичны: «После пообедать и за личинкой сидел у окна». «Редко когда Иван Федорович вынимал перед собой на столе такое количество «слоя». «Личо его было буррито, как если бы тут спресованный кишечник околовшего жвачного». К сожалению, подобные примеры не единичны. Стиль книги не выдержал. С одной стороны — пошлякая сентиментальность: «Раннее утро на близлежащем холме рассматривало свои длинные волосы». С другой — «дословный жаргон»: «Она живо обрадовалась тому небольшому баламичку, который вокруг нее завелась».

Умело построенный сюжет, замечательное повествование не снимают основного порока романа.

Правда, к которой стремится Новиков и которую он отрываясь как можно крепче старался держать писатель (см. предисловие), очень далека от социалистического реализма. Люди, которых описывает Новиков, также очень далеки от того, что строит свою социалистическую страну. По существу все жители страны Лекхора — лихие, бездельные и беспомощные герои Чехова и Достоевского.

Иван Новиков решил создать «поэму преобразования жизни и человека». Но эта достойная задача явно не удалась. Во-первых, потому, что приемы воображения остались у писателя прежними — отвлеченные мистические поиски добра и справедливости, лишь переведенные на язык современных понятий. Вторая причина неудачи — недостаточное знание современности и ее новых героев.

С. БЛОМ.
* И. Новиков. «В стране Лекхора». Роман. К. П. 1931 г. 326 стр. Ц. з. 26 к. 50 к. 7000.

Изд-во «Академия» выпускает «Окасен и Николет» — перевод со старопарижского. Редакция и комментарии А. А. Смирнова. Воспроизведено по плану работы А. КРАВЕЦЕНКО

10 лет Палехской артели

Мы празднуем сейчас 10-летие Палехской артели древней живописи...

Панно на тему «Гибель Чапаева» работы палехского мастера БУТОРИНА

После окончания гражданской войны группа наиболее одаренных художников стала искать новых форм...

«Иностранцы» в литературе

В. Финк известен как автор двух книг: «Взрыв на земле» и «Взрыв в тайге»...

Новый своей книгой «Иностранцы в литературе» Финк как писатель выходит на большую дорогу советской литературы...

По книге еще не закончена. Если при дальнейшей работе над ней автор учтет все указания...

Книжная витрина

- С. Г. Чавайн — «Избранное». Сборник стихов, прозы и рассказов...
К. Лордкипанидзе — «Долгой кукурузной республике»...

Новый сборник «Литературного наследства»

Выходящий выход за Пушкинским обзором очередной (10—20) номер «Литературного наследства» посвящается различным проблемам литературы XVIII и XIX вв.

КНИГИ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Поселитиздат выпускает ряд книг начинающих писателей. В начале мая выйдет третий номер сборника «Смелый шаг»...

ДИСКУССИЯ О НОВЕЛЛЕ

Дискуссию на тему «Чехов и современная советская новелла» организует в ближайшем времени Гослитиздат...

70 ЛЕТ ЖИЗНИ И БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛИЗМ

Литературная общность в эти дни с радостью приветствует Николая Леонидовича Мещерякова...

Еще в 1931 г. президиум ВЦИК отметил почетной грамотой его научную литературно-издательскую работу...

Тов. Н. Л. Мещеряков

СТИЛЬ И ХАРАКТЕР В ШАХМАТАХ

К итогам международного шахматного турнира

«Мы навик воинов приобрили...» З. Багрицкий. Для человека, который не играет в шахматы, тоны вокруг Музея изящных искусств, страсти, капище на турнире...

или даже Морфи, говорят о «широком стиле» советских мастеров; и даже больше, говорят о прямом перенесении опыта гражданской войны...

Если мы обратимся к высказываниям самих шахматных мастеров, то увидим, что шахматы, как и цирковое искусство, представляют в истинном смысле искусства...

Откуда эти противоречия? Они сводятся к тому, что люди часто путают две разные вещи: психологические черты человека, общие свойства его поведения...

Можно ли пойти еще дальше и оставить вопрос об особом стиле советских игроков, отличающемся от стиля поданных других стран? Сейчас об этом много говорят, но самым образом только в плане психологии.

СЕРОСИНСКОЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕ БИДЕСТВО. 15-19 марта

15 марта. Театроведческая секция. Серосинское театральное Общество совместно с Весоюзным Обществом Культурной Связи с артисткой...

18 марта. Архитектурно-художественная секция. Вечер, посвященный творчеству художника В. А. Шестакова...

19 марта. Стерная секция. Доклад проф. С. М. Челодьянова «Работа со зрителем в оперном театре»...

ПОПРАВКА. В объявлении Госуд. Изд-ва «Художество» Литературный отдел № 12, выпущенный в № 10 от 29/11 1952 г....

Литературное Закавказье. еженедельник литературы и искусства народов Закавказья.

Вышел первый номер основного комсомольского литературно-художественного журнала МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

КОГИЗ — Главная контора подписных и периодических изданий, Москва, Марослевская, 7. ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на полное собрание сочинений Т. Г. ШЕВЧЕНКО

К СВЕДЕНИЮ ПИСАТЕЛЕЙ. Для летнего обслуживания детей писателей Литфонда СССР приватизация с 1 июля...